

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса и управления НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor at Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
И «ДОГОНЯЮЩИЙ ТИП
КУЛЬТУРЫ»**

**CATCH-UP MODERNIZATION
AND «CATCH-UP
TYPE OF CULTURE»**

Аннотация

Статья посвящена оригинальному проявлению феномена догоняющей модернизации – так называемому «догоняющему типу культуры». Речь идет об определенной матрице развития конкретных культур, которые в силу определенных историко-культурных флуктуаций оказались вне доминирующей парадигмы мирового культурного процесса. Рассматриваются типологические характеристики данного типа культуры и наиболее имманентные для него процессы.

Ключевые слова: псевдоморфоз; энциклопедизм; синхронное переживание культурных этапов; гиперреальность; симулякры; догоняющая модернизация.

Abstract

The article is dedicated to the original manifestation of the catch-up modernization phenomenon – the so-called «catch-up type of culture». The author alludes to a certain matrix development of specific cultures, which due to certain historical and cultural fluctuations were outside the dominant paradigm of the world cultural process. The typological characteristics of this culture type and its most immanent processes have been discussed.

Key words: pseudomorphs; encyclopedism; simultaneous experience of cultural stages; hyper-reality; simulacra; catch-up modernization.

*Многие же будут первые последними, и последние первыми.
Евангелие от Матфея*

Феномену догоняющей модернизации соответствует хорошо известный феномен «догоняющего типа культуры». Сам термин введен в оборот Г. Гачевым применительно к болгарской культуре (ученый пользовался еще идиомой «ускоренное развитие культуры» [2. С. 3–4]). В понимании Г. Гачева речь идет о тех случаях в истории культуры, когда цивилизация по тем или иным причинам выпадает из «нормального» поступательного процесса. При таком положении дел главной проблемой для подобной культуры становится не столько «отсталость» или «провинциальность», сколько, прежде всего, *непережитость* всех тех этапов мировой культуры, которые пережили более «благополучные» (с точки зрения исторической судьбы) культуры. Как применительно к узкопрофессиональной области музыковедения выразился один из пионеров новой болгарской музыки Добри Христов, «не пережитые нами (болгарами. – Д. С.) классицизм и романтизм зияют бездонной пропастью». Применительно к России данную проблему заостренно поставил А. Уткин, диагностировав в качестве причины цивилизационного драматизма российской исторической экзистенции *непережитость* нашей страной «трех исторических революций, которые в свое время потрясли Запад и сделали его Западом – Ренессанса, Реформации и Просвещения» [3. С. 109].

С. Франк в свое время высказался более смягченно: «Россия никогда не видела ни Ренессанса, ни Реформации, ни даже рационализма и просветительства в том глубоком и спонтанном смысле, какой носили эти движения на Западе» [8. С. 130].

В этих условиях культура вынуждена в прямом смысле слова *догонять* своих более удачливых соседей: как применительно к Юго-Восточной Азии высказался президент Сингапура доктор Ли Куан Ю, «то, что на Западе происходило 200 и более, здесь длится примерно 50 лет и менее: все это перемешано и втиснуто в очень тесные рамки... Начинается поиск нового объяснения предназначения человека, того, почему мы здесь; это связано с периодами огромного напряжения в обществе» [9. С. 142]. Такая констатация прямо относится к феномену модернизации, которая в этих условиях также приобретает черты, предельно точно сформулированные Ли Куан Ю. Это, в свою очередь, рождает некоторые специфические для данного типа культуры черты, из которых в качестве главнейших можно выделить следующие:

А) *Энциклопедизм* как неотъемлемую культурологическую черту («энциклопедизм от отсталости», как выразился Г. Гачев; своего рода «синдром Ломоносова» [1. С. 125]). Деятели «догоняющего типа культуры» в самом прямом смысле *некогда* углубляться в узкопрофильные области – это привилегия «традиционных» культур; в нашем случае творец или мыслитель поневоле становится универсалом, чтобы успеть всё. Поэтому энциклопедический феномен, эпизодический в культурах с постепенным эволюционированием, в культурах «догоняющего типа» превращается в систему. Отсюда же, кстати, и многократно описанная «вселенскость» русской культуры.

Б) *Синхронное переживание* культурных этапов, пройденных «традиционными» культурами. Как определил Г. Гачев, культура, «подтягиваясь к современному этапу цивилизации, ускоренно и в стяженном виде проходит необходимые этапы европейско-культурно-исторического процесса... Узнать их можно, лишь соотнеся с “чистым” типом. Так что каждое произведение и каждый деятель культуры несет в себе признаки этих разных эпох культур и требует в их анализе такого многоэтажного рассечения» (см.: [4. С. 125–126]). К этому можно добавить, что и само восприятие всех упомянутых стадий (как и художественных стилей) глазами деятеля «догоняющей культуры» в высшей степени своеобразно: он не дифференцирует эти культуры и стили (как «нормальный» европеец), а «переваривает» их синхронно, как некий совокупный сторонний опыт, которым необходимо воспользоваться и из которого необходимо сделать *свои*, отличные от «среднестатистически-европейских» выводы (то, что О. Шпенглер назвал **псевдоморфозом**).

Вообще «псевдоморфозность» «догоняющего типа культуры» есть феномен, далеко выходящий за рамки эстетического. Как известно, Шпенглер заимствовал данный термин из геологии, где так называют заполнение полых кристаллических форм инородными кристаллами вулканического происхождения. По словам Шпенглера, «так возникают *поддельные формы* (курсив мой. – Д. С.), внутренняя структура противоречит их внешнему строению» [11. С. 26]. Такое положение немецкий мыслитель считал имманентным для России, но то, что М. Эпштейн квалифицирует как «гиперреальность» и даже «постмодерность» (не в строго искусствоведческом смысле) отечественной культуры (см.: [12. С. 54–105]) – явление далеко не специфически русское: достаточно вспомнить, что реалии Просвещения в США были столь же далеки от, скажем, британских, французских и даже немецких, как и аналогичные российские нормы (и при этом сходство многих проявлений русского и американского просвещения просто бросаются в глаза, о чем подробно писал А. де Токвиль в своем труде «Демократия в Америке» – по причинам вышеуказанного порядка: просто обе страны развивались по законам догоняющей модернизации!); что же касается, к примеру, японской, корейской,

тайваньской или таиландской модификации демократии, то на этот счет среди западных интеллектуалов идут постоянные споры: Э. Хейвуд, например, выделяет этот феномен в особую группу культурно-политических систем, отличную от западных [10. С. 44] (показатель того, насколько «псевдоморфным» в глазах европейца выглядят подобные практики!).

В) Отсюда логически вытекает следующее. Как уже отмечалось Г. Гачевым, «европейские» формы и «местное» выполнение создают «плави́льный котел», в котором традиционные номинативы наполняются содержанием, зачастую не только не идентичным европейским аналогам, но прямо противоположным им (такое положение диктуется особенностями местного культурного социокода). Это то, о чем, как о фундаментальной черте русской культуры петербургского периода, писал М. Эпштейн [12. С. 85–91]: «Сама идея Запада, как целостного культурного образования, обретает вторичную реальность лишь в России. Русские западники, наслышанные о Западе, не обнаруживают его на самом Западе, где есть Германия, Франция, Испания и другие страны, но не Запад как таковой. Запад как идея (фактически «идеальный тип». – Д. С.), во всей своей опьяняющей галлюцинаторной яркости, существует только в России и воплощается во множестве «как бы западных» гипер-событий и гипер-обычаев, которые представляют искусственную квинтэссенцию “западного”, одновременно гиперболу и пародию, “супер” и “псевдо”. Западная жизнь, какая она проникает в Россию, имеет мало общего с жизнью на самом Западе, хотя резко отличается и от обычного российского уклада... Такого запада на Западе нет, он есть только в России, и этот российский «гипер-запад» есть уникальная, единственная в истории форма существования, когда имитация другой культуры становится способом трансценденции своей культуры» [Там же. С. 90–91]. Все сказанное можно принять, но с одной существенной оговоркой: *любая* практика догоняющей модернизации рождает подобные симулякры. Достаточно перечитать роман «Унесенные ветром» М. Митчелл, чтобы сделать вывод: попытка имитировать «европейскость» в поместьях плантаторов Джорджии была столь же далека от «Парижа» (реального, а не «веберовско-идеального), сколь и в тургеневских «дворянских гнездах»; а словосочетание «вирджинская кадрили» на старте было столь же «псевдоморфным», как и идиомы «русский балет» и «русский романс» (в момент возникновения все данные неологизмы резали слух своей откровенной *несочетаемостью*). Эпоха Мэйдзи, турецкий Танзимат (реформы середины XIX века), кратковременное «каучуковое просперити» в Бразилии (2-я половина XIX века) или реформы Чулалонгкорна в Сиаме (Таиланде) на начальной стадии неизбежно рождали таких же культурных «уродцев», как и, скажем, Петровская или горбачевско-ельцинская эпохи. Очень показательна под данным углом сравнить сюжетику и образность Д. Фонвизина или В. Пьецуха с сочинениями Акутагавы Рюноскэ, Орхана Памука или Чинуа Ачебе...

Поэтому «догоняющий тип культуры», глядя на «Запад» (не на реальную Европу, а именно на некий полувиртуальный «Запад», существующий как феномен только в головах у россиян – или у японцев и нигерийцев, если хотите), обнаруживает там некие «тексты» и не только «прочитывает» их по-своему, но и «цитирует» их – в рамках собственного «предпонимания» и контекста (по Ж. Деррида, «включение текстуальности в текст») [Там же. С. 476].

Соответственно, в художественной культуре данный тип культурного развития порождает множество откровенно «гибридных», эклектичных форм, цель которых – откровенное и быстрое перенимание чужого опыта: позднее они служат «стартовой площадкой» для нахождения собственных, органичных для данной культуры форм. Зачастую «этап эклектики и гибридности» затягивается весьма надолго и может сопровождаться почти запрограммированной неравномерностью

развития различных форм духовной культуры (хрестоматийные примеры – отставание США от Европы в XIX веке во всех областях духовной культуры, кроме литературы, или же феномен блестящего развития итальянской оперы в том же XIX веке на фоне стагнации всех остальных жанров и форм итальянской музыки). Относиться к этим процессам и феноменам иронически нет никаких оснований: данные культурные процессы вполне реально играют роль «освоения чужого опыта» и «передового агента модернизации», а затем и фундамента для нахождения собственных оригинальных форм и средств выражения. Так что, перефразируя интонацию М. Эпштейна, имитация другой культуры действительно становится способом трансценденции культуры собственной.

Г) Наконец, сам по себе «догоняющий тип культуры» вовсе не является приговором. Во-первых, как уже отмечалось, рецидивы данного культурного типа могут возникнуть на базе специфических историко-культурных ситуаций, в которых оказывается та или иная страна (очень показательно, что в области музыкальной культуры классический пример «догоняющего типа» демонстрирует... Англия – казалось бы, типичный образец «первичной модернизации»; просто, так сложились британские историко-культурные флуктуации). Во-вторых, сама динамика «ускоренного развития» («культуры взрыва», как назвал данный феномен Ю. Лотман применительно к России) может привести к тому, что прошедшая подобную эволюцию культура способна совершить действительный рывок, выводящий ее по определенным показателям в ряды культурных лидеров (история культуры Японии, США и Латинской Америки в XX веке – яркое тому подтверждение). Зачастую такая «взрывная» культура возносится на самые передние рубежи духовности и художественности, заставляя «традиционалов», в свою очередь, активно воспринимать рожденные «взрывом» оригинальные ценности (опять-таки в высшей степени поучительные примеры этого нам демонстрируют американская, японская, китайская, индийская и латиноамериканская культуры в Новейшее время; здесь же можно вспомнить и о русском Серебряном веке, и о той роли, которую сыграли в культуре Запада Л. Толстой, Ф. Достоевский, П. Чайковский и С. Рахманинов).

Д) Последнее обстоятельство иногда порождает специфические мессианские амбиции носителей «взрывной» культуры, также являющиеся «побочным продуктом» процессов догоняющей модернизации. Быстрый и скачкообразный культурный взлет модернизирующегося социума (особенно если модернизация хотя бы частично носит характер национального или религиозного возрождения) порождает иллюзию «превосходства» над «старым миром», субъективное переживание собственной цивилизационно-культурной «молодости» (и, соответственно, «старости» собственных «учителей»). Так рождаются концепции собственного культурного превосходства над источником «идеально-типического» заимствования (от Пушкинской речи Достоевского до теории «негритюда» Л. Сенгора) либо «отрицания ученичества»: по последней матрице русские символисты – наследники французской символистской традиции – отказывались признать себя таковыми, а русские футуристы устраивали обструкцию прибывшему в Россию «крестному отцу» футуризма Т. Маринетти; фактически по такому же типу структурировался и сталинский гиперпатриотизм. Так рождаются характерные для «догоняющего типа культуры» мессианские настроения – от известной русской концепции «народа-богоносца» или типичных для радикально-протестантских общин США идей о собственной богоизбранности (породивших такой типичный для «догоняющего типа культуры» памятник, как «Книга Мормона») до «негативного мессианизма», «мессианизма наоборот» у А. Мицкевича. Сюда же относятся чрезвычайно популярные во многих национальных возрождениях призывы «стать всем или ничем» (слова словацкого поэта Яна Колара, вынесенные Н. Данилевским в эпиграф сво-

ей широко известной книги-манифеста «Россия и Европа»): в России эта максима («мы сейчас ничто, а будем всем!») впервые была озвучена в «Апологии сумасшедшего» П. Чаадаева. Отсюда уже один шаг до слов из «Интернационала» «кто был ничем, тот станет всем»; практически идентично – только с уклоном не социальным, а национальным – данный призыв неоднократно провозглашался во многих культурно-политических декларациях Латинской Америки (например, в перуанском «Манифесте национального социализма» Айя де ла Торре). Сюда же можно отнести идеологические и псевдонаучные построения насчет «футурологического приоритета» собственного «молодого» сообщества («Будущее принадлежит нам!»): в этом ракурсе пресловутая теория Л. Гумилева о «пассионарной молодости» великороссов (за которыми, естественно, будущее) ничем не отличается от «негритюда», японского официоза времен Второй мировой войны (идеология «Ямото-дасаки») или же известного лозунга постсталинской эпохи «Коммунизм – это молодость мира». В историософиях, создаваемых в рамках описываемой культурной парадигмы, данная установка зачастую парадоксально перевертывается – в сторону «удревнения» собственных корней (цель при этом та же: представить – хотя бы самим себе – собственное историко-культурное бытие не как частное, а как всеобщее, фундаментальное и тем самым дезавуировать источник модернизационного заимствования). По такому типу появляются феномены типа «Велесовой книги», «Гиперборейской Руси», Киевской Руси как Украины, «Краледворской рукописи» в Чехии, «хайяских» теорий этногенеза армян, «Великого Турана» или же типичного для китайского исторического истеблишмента стремления удлинить собственную историю на несколько тысяч лет по отношению к реальности (опираясь при этом, что показательно, не на исторические, а на фольклорно-литературные артефакты).

При всей экстравагантности подобного гомологического ряда, он вполне оправдан: генезис, мотивация и даже внешняя форма выражения «национально-ренессансных» деятелей культуры (типа Я. Колара, Л. Сенгора, Ш. Петефи, Намыка Кемаля или же зачинателя прибалтийских «праздников песни» Яниса Цимзе), мыслителей-националистов типа Н. Данилевского или даже политических экстремистов угрожающе сходны, и это сходство объясняется сходными социокультурными установками, возникающими в рамках именно «догоняющего типа культуры».

«Явления культуры самостоятельны, они не всегда вписываются в общий процесс, – писал Д. Лихачев. – Они свободны, и как свободные легко воспринимают и творчески перерабатывают чужое, стороннее или просто старое» [6. С. 114]. Слова русского ученого-гуманитария прямо перекликаются с вердиктом А. Л. Кребера: «Культура представляет собой... гибкую и подвижную сущность; она может впитывать элементы и целые комплексы элементов из других культур, может возобновлять свой рост после, казалось бы, неминуемого упадка, трансформировать имеющиеся и продуцировать новые культурные модели» [5. С. 4]. Таким образом, можно констатировать роль культуры как основного коммуникатора в модернизационных процессах. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса дополнительного фактора развития стало, в частности, одним из краеугольных камней неомодернизационной теории (например, в трудах Э. Тириахьяна) (см.: [7. С. 154]).

Литература

1. Гачев Г. Д. Наука и национальная культура. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992.
2. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие культуры (на материале болгарской литературы 1-й половины XIX века). – М. : Наука, 1965.
3. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003.
4. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России : циклы модернизационного процесса. – М. : Изд-во МГУ, 1996.
5. Крейбер А. Л. Избранное : Природа культуры. – М. : РОССПЭН, 2004.
6. Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 113–120.
7. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 8. – М., 2002.
8. Франк С. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 205–241.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ, 2003.
10. Хейвуд. Э. Политология : учебник для студентов вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
11. Шпенглер О. Закат Европы. – М. : Политиздат, 1991. – Т. 2.
12. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. – М., 2000.